

Дом для тебя (Рассказ)

Мне не нужно прилагать усилий, чтобы вспомнить пять последних лет моей жизни. Они превратились для меня в один длинный день, и всё, что я сделал за этот день, я помню до мельчайших подробностей. Впрочем, я делал только одно. И теперь, проходя мысленно по этому дню длиной в пять лет, мне хочется сказать: жизнь, ты смешна и бессмысленна.

Как много мы хотим сделать, когда мы молоды; как мы кипим, мечтая о грядущей славе! Мы всё отдаем, чтобы сделать шаг вперед, так как за этим шагом полагаем увидеть свое счастье. Но счастье далеко, а мы шагаем, шагаем по жизни, лишая себя всех удовольствий и радостей, отдавая годы, которых у нас так мало. И вот однажды мы спотыкаемся, останавливаемся и оглядываемся назад: что там позади, что мы сделали, чего мы достигли, и стоит ли то, чего мы достигли, приложенных усилий, трудов, отданных безвозвратно лет? Кто может остаться довольным этим сравнением? Кто может сказать: да, я хотел этого?!

Мне было трудно. Тогда, в мои тридцать лет, мне было очень трудно, но я никогда за всю жизнь ни разу не сказал: это невыносимо. Я привык бороться, я любил бороться с тем, что встает на пути. Там, где ныли другие, я только крепче стискивал зубы и проходил через всё, не изворачиваясь, не пригибаясь. Во мне будто был железный дух для перенесения страданий и трудностей, но это не значит, что я был бесчувственный, как железо. О, нет! Я ждал тебя, и только тебе хотел раскрыть свое сердце. И я встретил тебя.

Но прежде чем подойти к тебе, я многое о тебе узнал. Я узнал, что ты занимаешься живописью, и она захватила тебя всю, стала смыслом твоей жизни. Я узнал, что ты любишь музыку, узнал, что ты любишь всё прекрасное.

Я узнал, что ты снимаешь за четвертую часть своего заработка тесную, темную комнатку, и сколько раз, незаметно следуя за тобой до самого твоего дома, я слышал, как хозяйка ворчит и ругается, когда ты возвращаешься немного позже обычного.

Тебе оставалось тогда учиться еще три года...

Я много узнал, прежде чем подойти к тебе. И после того, как я подошел к тебе, жизнь без тебя была для меня уже невозможной. Мог ли я высказать тебе всё, что рвалось из сердца, мог ли я излить тогда всю свою боль и любовь, которая копилась годами, копилась и оберегалась для тебя? Только для тебя. Ты была в моей душе давно, но я был тебе чужим. И я не мог, не смел сказать тебе всего.

Но я любил тебя, любил больше своей жизни, и мучился от того, что ты мои чувства даже не замечала. А я так хотел сделать тебя счастливой!

И я задумал построить дом. Светлый, просторный дом, чтобы ты могла в нем рисовать. Я задумал построить этот дом к тому времени, когда ты закончишь учебу, и подарить тебе его вместе с моим сердцем. Да, я думал, что ты войдешь в этот дом моей женой. Ведь чтобы я мог жить, я должен видеть тебя каждый день, видеть тебя счастливой и радостной.

И я начал работать.

Я выбрал место на высоком холме, поодаль от всех домов и людей. Мне не хотелось видеть кого-то рядом, мне хотелось быть подальше от всей суеты и людских разговоров. Здесь, выше всех, я построю тебе дом. Я сделаю его двухэтажным, и второй этаж будет весь из стекла - там ты будешь рисовать. Я насажу вокруг сад, и он будет цвести весной. Я сделаю всё, чтобы тебе было хорошо.

После работы я шел на холм и предоставлял пять минут своей фантазии. Я любовался домом, которого еще не было, домом, в котором будешь жить ты. Ты. Эти пять ежедневных минут были для меня невыразимым счастьем. После них мне не были страшны никакие трудности.

Я таскал за километр ржавое арматурное железо, выправлял его и очищал от ржавчины. Я работал лопатой и тачкой, как каторжный, готовя место под фундамент. Чтобы можно было работать до полуночи, я купил аккумулятор и сделал себе переноску, пока не будет проведено электричество. Я уставал страшно, и часто оставался спать прямо здесь, на досках, не имея ни времени, ни сил, чтобы идти домой. У меня не было праздников и выходных – у меня была только работа – дом. Дом, в котором будешь жить ты. Ты...

Ровно год ушел на фундамент. Наконец-то он готов! Железобетонный, серый фундамент, с продольными полосками от дощатых щитов. Я был влюблен в него! Вот он, итог моих трудов, серебрится под солнцем, спокойно, твердо уходя в землю. Прямоугольник, заканчивающийся полукругом, где будет большая светлая комната, комната для тебя. Для тебя...

Я позволил себе отдохнуть один день. Я пытался хоть на один день забыть обо всем, рассеяться, отвлечься, но вечером я снова пришел к дому - я не мог уже больше без него. И снова началась работа.

И снова год без выходных. Я возил кирпичи, песок, цемент, я замешивал раствор и клал стены. Они росли, росли всё выше и выше, и вместе с ними поднималось мое сердце и парило уже где-то там, в синеве, обдуваемое ветрами. Я ходил по дощатым лесам вокруг своего дома и смотрел с высоты на всё окружающее. Какой прекрасный вид отсюда!

Там, внизу утопает в зелени, в садах село. Асфальтированная дорога с почетным караулом пирамидальных тополей по обеим сторонам выходит из села и уходит вдаль. Слева от дороги, выше села, на плоскогорье, зеленеют хлеба. А за ними, кажется, совсем недалеко – громада гор в синей дымке. Сверкают ледники там, под солнцем, где уже и облака редко бывают, и вода – светлая, холодная, пенным потоком несется по камням вниз; и вот она, с другой стороны холма, уже более спокойная, течет по песчаному ложу. Розовые ледники по утрам возвещают восход, а вечером – закат солнца. Первые теплые лучи утром появляются из-за ледников. Первые волны прохлады по вечерам катятся с ледников. И вся окрестность, истомленная за день зноем, вечером жадно впитывает прохладу и воду с живительных ледников.

Скоро, скоро ты будешь здесь. Ты увидишь всё своими глазами, отсюда, из дома. Дома, который я строю для тебя. Для тебя...

Уже готовы стены, и я принялся за крышу, а тебе учиться еще год. Еще два месяца – и крыша готова. Теперь оштукатурить внутри и снаружи, настелить полы, вставить двери и окна. Большие окна. Больше стекла, больше света для тебя! Скоро, скоро!..

Ты вышла замуж...

Я приходил еще иногда к дому, просто по привычке, но я уже не брался больше ни за что. Всё казалось таким серым, таким пасмурным! И голые тополя около мокрого асфальта, и черные перепаханные поля, и побуревшие горы, и речка, мутная от осенних дождей. Вокруг дома валялись кирпичи, шифер. Обломок бетонной балки, сорвавшийся когда-то с лесов, упал на лопату, переломил черенок посередине, вдавив сломанное место в землю, и концы торчали вверх в разные стороны: на лопате был еще ком глины, на черенке – лепешка раствора. Всё это мокло под мелким осенним дождем.

Я обходил дом вокруг, не вынимая рук из карманов, взбирался на леса. Долго стоял наверху, глядя прямо перед собой, потом уходил, ни к чему не притронувшись, уходил отсюда, от дома, который я строил для тебя. Для тебя.

Прошел год, ты закончила свой институт и уехала куда-то с мужем. Я к дому больше не приходил.

Многие хотели купить этот незаконченный дом, и хорошо бы заплатили. Но то, во что вложил свою душу, свою любовь, слишком больно оценивать в рублях. И дом стоял. А через год ты приехала сюда уже с маленькой дочкой. Ты ушла от него...

Была ранняя весна. Ночью приморозило, и в горах выпал снег. Стройные тяньшанские ели, избегающие почти до самых вершин, были обсыпаны этим серебристым снегом и казались седыми. Но солнце уже взошло, и его лучи сталкивали с веток, с иголок эту серебристую седину, всё быстрее возвращая елям их первоначальную дымчатую зелень. А небо над сверкающими горными снегами изнывало от желания быть как можно голубее и чище. В этой томящейся прохладной хрустальной голубизне солнце неистовствовало. Текли ручьи, парила земля, щебетали птицы. Природа вновь, – в который уже раз! – готовилась разрешиться красотой.

Сколько раз нам дано увидеть эту пору? Пятьдесят, ну, шестьдесят раз. А потом... Потом природа будет цвести всё так же, как сто, как тысячу лет назад, а нас уже не будет. Всё в этом мире будет уже без нас. То, что мы сделали, развалится, рассыплется в прах, и вместе с ним умрет память о нас. Мир без нас, мир без меня...

Жить! Жить как можно дольше, сделать как можно больше!

И вот дом готов. Я прохожу по чистым светлым комнатам, пахнущим свежей краской. Поднимаюсь по лестнице на второй этаж и осматриваю его. Больше делать нечего. Всё готово. Наконец, я вхожу и сюда, в это царство света. Пол из светлых досок, покрытый лаком, блестит. Потолок белоснежен. Здесь только одна стена – сзади, где дверь; остальное – стекло. Тонкий металлический каркас не мешает видеть окрестность. Какая чудная панорама открывается глазам! Я сажусь в кресло, единственное кресло в доме, и опускаю руки. Железо, лопата, тачка, бетон, раствор, кирпич, краска, известь – всё прошло через мои руки, всё оставило на них свой след. Они расползлись, стали похожими на лепешки. Мозолистые, цепкие, грубые руки, не знавшие отдыха; руки, построившие этот дом, дом для тебя, но ни разу не обнимавшие тебя.

А ты... ты опять полюбила другого...

Пять лет своей жизни я отдал этому дому. Я отдал этому дому всё, что у меня было. Больше у меня нет ничего.

Для многих всё, что я делал, смешно. Но я не мог иначе, и если смешны уже боль и любовь человеческая, то жить не имеет смысла. Я не мальчик, не юноша – мне тридцать пять. Я не жду ничего в будущем – оно без тебя невозможно. Для тебя жизнь – в другом, для меня жизнь – ты. И если нет тебя, зачем мне жизнь? И зачем мне этот дом?

Где же ты? С кем ты? Ведь я построил дом, большой светлый дом. Он готов, он ждет, – дом для тебя. Для тебя...

1965, июль

